

Коноваленко Анастасия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

asyatetsu@gmail.com

Научный руководитель – Ю.Ю. Мариничева, канд. филол. наук

«У МЕНЯ СВОЙ ПУТИК ПО ГРИБЫ, ПО ЯГОДЫ»: ЛЕС КАК ЛОКУС ДЕРЕВЕНСКИХ НАРРАТИВОВ И ПРАКТИК

Ключевые слова: лес, практика, взаимодействие.

Предметом исследования стали особенности деревенской практики сбора грибов и ягод как способа взаимодействия с пространством леса. Материалом послужили интервью, собранные в фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 г. Выявлено, что поведение в лесу зависит от усвоенных в раннем возрасте норм и представлений и от индивидуального восприятия леса как объекта любви, площадки для соревнования, места медитации и т.д.

Konovalenko Anastasiya

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«THERE IS MY OWN *PUTIK* FOR GATHERING MUSHROOMS AND BERRIES»: FOREST AS LOCUS OF VILLAGE NARRATIONS AND PRACTICES

Keywords: forest, practice, communication.

The specific of gathering mushrooms and berries in the village practice is presented as a way of communication with a forest. There were used interviews collected during the folklore and anthropological expedition SPbU 2016. Finally there was found that rules adopted in early childhood influence human behavior as well as perception of a forest as a lover, a place for competition, meditation etc.

Работа посвящена рассказам о деревенской практике сбора грибов и ягод как одному из способов взаимодействия с пространством леса. Материалом послужили интервью, записанные в ходе фольклорно-антропологической экспедиции 2016 г. в д. Белошцелье (Лешуконский район, Архангельская область), а также материалы из фольклорного архива СПбГУ.

Мой интерес к этой теме возник из следующего наблюдения: для деревенских жителей лес является «страшным» местом и часто связывается с физической и метафизической опасностью, между тем собирание грибов и ягод (как и охота) — неотъемлемая часть жизни в деревне. Страхи же преодолеваются с помощью ряда запретительных и предписывающих норм. Например, информанты часто рассказывают о том, как кто-то заблудился в лесу. И почти все говорят, что боятся встречи с диким зверем. Однако на вопрос собирателей, зачем же ходить в лес, если там страшно, чаще всего отвечают: «Волков бояться — в лес не ходить». Информанты мотивируют походы в лес за грибами и ягодами необходимостью, особенно говоря о прошлом:

<А что, в лес ходили по грибы, по ягоды?<...> Ну, раньше.>

Не лес — мы бы так умерли. (DTxt08-144_Arch-Mez_08-07-14_PopovaLS)

Если же речь в интервью заходила о настоящем времени, то многие отмечают отсутствие жизненной необходимости идти в лес.

Почти каждый деревенский житель начинает ходить за грибами и ягодами ещё в детстве, причём первые походы приходится на довольно ранний возраст:

Если по ягоды, дак вообще с такого возраста, я не знаю, там с лет с пяти, может, с семи. Ну с пяти-то точно ходишь в лес. По грибы сначала, потом ягоды и все так... Постарше станешь, так уже, глядишь, и на охоту пойдешь. (DTxt15-171_Arch-Lesh_15-07-05_BobrecovNN)

Из этого примера видно, что походы в лес за грибами-ягодами и на охоту являются разными этапами освоения леса. Дети ходят с кем-то из старших или с группой сверстников, от которых перенимают модели поведения в лесу. Постепенно вырабатывается ряд индивидуальных привычек и правил, направленных на то, чтобы обеспечить собирательский успех (в том числе прибегая к покровительству метафизических сил).

В деревенской культуре лес воспринимается одновременно как «свое» и как «чужое» (опасное) пространство:

Мне-то вот лес-то тут чужой, конечно. Но щас уж я давно живу тут, можно и считать его своим, конечно. <...> Надо считать своим, чтобы...

<Надо?>

Конечно, чтоб в лесу... лес тебя принимал. (DTxt15-126_Arch-Lesh_15-07-07_ChursanovaMG_2)

Почти все деревенские жители охотно делились с нами рассказами о походах в лес, и мы можем выделить основные темы в этих нарративах. Последовательно рассмотрим обнаруженные темы.

В первую очередь, большое внимание в этих нарративах уделяется месту и маршруту. Некоторые наши собеседники даже особому называют места, куда они ходят. В рассказах жителей д. Белощелье встречаются, например такие названия мест: **заулОк** (DTxt16-015_Arch-Lesh_16-07-17_SemionovaAA), **за избушечней/избушечня** (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI), **чёрный рУчей, ухожень**.

На последнем названии хотелось бы остановиться поподробнее. Обратимся к интервью:

<Куда ходили-то?>

Ну, туда, на Сези. Там у меня **ухожень-га**.<...>

<Это вы туда всё время ходите, да?>

Да. Ну я здесь, по бору пройду и всё, больше-то там брожу.

<А это Вам кто показал-то? Место это>

Я сама всё нашла. Потому что я всегда брожу одна. (DTxt16-043_Arch-Lesh_16-07-18_SemionovaLA)

На это название стоит обратить особое внимание, потому что Л. А. Семенова, 1946 г.р. из д. Белощелье, упоминает, что ходит за грибами и ягодами одна, и здесь «ухожень» представляется как своя собственная тропинка. Слово это на данный момент не зафиксировано ни в одном диалектном словаре, однако в словаре Подвысоцкого можно найти похожее слово:

Ухóжье — 1) Отдаленный от жилья лесной участок *Шенк*. 2) Лесной участок, где пролагаются путики *Мез*. [Подвысоцкий, Сл. обл. арх. наречия, 1885.]

Возникает вопрос о соотношении маршрутов сбора грибов-ягод с охотничьими путиками.

Некоторые мужчины рассказывали, что собирают грибы во время обхода путика, либо на их путике собирают их жёны, пока мужчины проверяют силки. Одна из информанток упомянула «круги»:

Два /у меня — А. К. / «круга» в лесу. Кругами сама назвала. Если грибов в этот год много — на первом кругу насобираешь. Если мало — на второй круг пойдёшь. (Полевой дневник Красавиной Е. М. 2016)

В архиве есть несколько интервью, в которых информанты подробно говорят о соотношении путика и маршрута сбора грибов-ягод.

И вот это у него называется путик, что обходит по этим силушкам, по этому путик, он все время ходит там каждый день или через день путик называется, да, а вот у **меня свой путик по грибы, по ягоды.**

<То есть, у вас тоже он есть>

Ну, у меня, в принципе, нету зачесок, что я вот тут именно вот найду и тут выйду, но рядышком и по краю дорожки, и рядышком с дорожкой, тоже как путик. (DTxt11-199_Arch-Lesh_11-07-13_LevkinaLA)

<Мы слышали, что путики — это только у охотников.>

Да-да-да-да-да. А у **нас по своему путик, это у нас женщины говорят. Куда ходишь в одно место, и оно тебе нравится, и там есть грибы и ягоды, и тут называют свой путик.<...>**

<А как вы отличаете свой путик от остальных?>

Свой путик так место тако, как есть, так вот так. Это не дорожка ведь. Место, шо тут находятся грибы или ягоды. (DTxt11-194_Arch-Lesh_11-07-08_LevkinaLP)

Но грибно-ягодные путики не совсем то же, что охотничьи. Если охотникам строго запрещено брать добычу с чужого путика, то ягоды и грибы может ходить и собирать каждый.

<Посмотреть бы на эти путики. Интересно. А у женщин нет такого, каких-нибудь грибных мест?>

Ну, почему? Вот ходят, кто ходит за грибами, вот если они уже так ведь знаешь уже, где грибы, так уже и идут.

<Ну нет же такого, что там «Не ходи! Не ходи на мое грибное место»?>

Нет. Все, все ходят, все, у нас тут одно место, вот тут найдут да там выйдут и всё. (DTxt11-019_Arch-Lesh_11-07-05_IvanovaGS)

Более того, на чьем-то чужом охотничьем путике можно собирать грибы и ягоды:

<...а если специально кто пойдет по чужому путик?>

ЕВ: не знаю, да и не ходят.

ВП: Да и не пойдут.< ...> **Это вот случайно в лес по ягоды, еще там уж не спрашивают, путик у тебя, не путик. А ягоды собирать — там уже не спрашивают. И грибы идут, там уже собирают.** (Dtxt13-072_Arch-Lesh_13-07-06_KarmanovVP_GrjaznovEV)

Следующим по значимости при обсуждении походов в лес за грибами становился вопрос о компании для похода. Чаще всего информанты ходят или ездят в лес с родственниками, знакомыми, соседями. Можно выделить особенные случаи, когда информанту необходимо чье-либо присутствие рядом или же, наоборот, информант предпочитает ходить в одиночку.

<А как больше нравится, с кем-то или одному?>

Одному-то вроде неудобно, надо или собаку с собой возьмёшь или...<...> Ну, кто-то чтоб был. (DTxt16-042_Arch-Lesh_16-07-17_ChursanovaZK)

Я ведь рано пойду всё, мне ведь никто не надо, я сама, одна, пошлёпаю. (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI)

В первом примере потребность чьего-либо присутствия можно воспринять как средство преодоления страха. Второй пример особенно важен потому, что именно собиратели-одиночки чаще демонстрируют представления о лесе как метафизическом пространстве.

Третьим, и самым «привычным» для фольклористов, топомом в разговорах о лесе оказывалось общение со сверхъестественными силами. Для некоторых информантов в посещении леса оказывается наиболее важным обращение к разными метафизическим силам, с ним связанным: «хозяину леса», «лесовичку», «лешаку» и т. д. Варианты общения разнообразны: некоторые информанты просят разрешения при входе и благодарят на выходе, некоторые молятся, некоторые «задабривают» лешего и т. д.

<Когда в лес заходят, говорят что-нибудь такое?>

АА: Да нет. Не знаю. Ниче. Я, например, иду, скажу, что помоги мне зайти и выйти, все помоги, чтобы ягод набрала да. (DTxt16_Arch-Lesh_16-07-17_SemionovaAA)

Из большинства интервью ясно, что действия эти направлены на заключение договора с духами-хозяевами места, что описано у С. Б. Адоньевой в 2 гл. «Прагматики фольклора». [Адоньева, Прагматика фольклора, 2004, С.66-78.] В ответ на приветствия, дары и проч. информанты ожидают от «хозяев» леса помощи или гарантии безопасности. При этом некоторые правила являются как бы «абсолютными», про них знает большинство деревенских жителей и большинство им следует (например, запрет материться в лесу). Другие же правила индивидуальны (такие как разговоры с деревьями). Кроме того, из большинства интервью видно, что главным оказывается не сам процесс сбора грибов или ягод, а то, что происходит в лесу, помимо этого.

Отношения с лесом могут регламентироваться не только нормами и традиционными представлениями. Лес также может выступать как своеобразная площадка для соревнования собирателей, место общения с умершими и место медитации.

Так, например, некоторые информанты с большим азартом рассказывают о своих «достижениях» при сборе грибов или ягод или

с возмущением говорят о встрече с кем-то на «их» месте. При этом стоит учитывать неоднозначность границ «чьих-то» мест.

Ушедшие в лес за грибами-ягодами остаются наедине со своими размышлениями и воспоминаниями. Здесь мне бы хотелось обратиться к одной интересной и неоднозначной истории Л. И. Семёновой 1937 г.р., д. Конещелье. (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI) В ней лес, определённые места в лесу, связываются с болезненными воспоминаниями о потере сыновей (Л. И. водила их по грибным местам, после чего они умирали). Возможно, то, что Л. И. ходит именно в лес, обусловлено тем, что лес оказывается местом, в котором возможно уединиться со своим переживанием и вдали от посторонних глаз оплакать своё горе. Вариантом уединенного поведения оказывается и просто размышления, пение. И тут поход за грибами или ягодами оборачивается возможностью уйти из дома, побыть одному и отдохнуть. Лес может стать даже адресатом лирического переживания и объектом любви, как в приводимом ниже стихотворении Ж. Ермаковой, жительницы д. Жердь.

Идѣшь-идѣшь, да и вроде о, как хорошо стало. Нет и нету, да и стало хорошо. Попроѣшь песенку да.< ...> Да я так хОжу в лес дак мне-ка как-то лучше. Вчера, например, весь день чѣ-то голова болит-болит, я пошла уже после обеда, в час или во втором, в час, наверно. **А потом пришла, вроде лучше, говорю, мне стало.** < ...> (DTxt16-045_Arch-Lesh_16-07-23_SemionovaLA)

Вдыхаю вкусный аромат лесной,
Пьянящий, пряный, ягодно-грибной.
Я пью его большими глотками,
Струится он по венам ручейками.
Тебя не в силах я обнять руками,
Мой лес, тебя я обниму глазами.
Как ты красив своей суровой красою,
Твой южный брат не выдержит сравнения с тобою.
А хочешь, я тебе один секрет открою?
Я мужу изменяю лишь с тобою.
Тебя, мой лес, люблю всем сердцем и душой,
Всю зиму жду свидания с тобой.
Лишь только ты согреешься весной
Смотри, мой лес, я на коленях пред тобою. (Стихотворение Ж. А. Ермаковой, DTxt08-262_Arch-Mez_08-07-07_ErmakovaJA)

Таким образом, обыденная деревенская практика сбора грибов и ягод оказывается сложным процессом взаимоотношений деревен-

ских жителей с лесом. Эти взаимоотношения выстраиваются по-разному: через страх леса, через почитание его или через любовь. Лес оказывается, с одной стороны, чуть не полноправным участником процесса сбора грибов, свидетелем «игры» и объектом любви. С другой, лес служит и местом, в котором человек может отдохнуть и побыть один (не на глазах у всей деревни), порталом, который позволяет общаться с умершими родственниками и оплакивать их.

ЛИТЕРАТУРА

- Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Адоньева, 2004 — *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- Материалы фольклорного архива СПбГУ (ссылки в виде DТxt...)
- Данные полевых дневников участников фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 г.